

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник — *Павел Магась*

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Сибирский беглец / Валерий Шарапов. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с. — (Контрразведка. Романы о секрет-
ной войне СССР).

ISBN 978-5-04-205553-9

1981 год. Из колонии в Сибири бежит бывший полковник Павел Бугровский, отбывающий пожизненный срок за шпионаж в пользу западных спецслужб. Предателю известны имена советских нелегалов, работающих за рубежом, в том числе — имя и должность недавно завербованного особо ценного сотрудника ФБР. Оказавшись на свободе, Бугровский может передать эти данные своим кураторам, и тогда случится непоправимое... Майору КГБ Олегу Каморину приказано обезвредить врага. Несколько дней вместе с поисковым отрядом он пробирается сквозь тайгу по следу предателя, не предполагая, что волна этого происшествия уже докатилась до далеких Соединенных Штатов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205553-9

© Шарапов В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

Ночь давила — чугунные тиски сжимали череп. Плыли низкие тучи. Смутно выделялось зарешеченное окно, стены, потолок, кровать в шаге от окна. Одноместная палата медпункта колонии строгого режима находилась обособленно от прочих.

Завозился человек на кровати, подался к окну. Натянулась цепочка наручников. Обзор был ограничен, но большего и не требовалось. Мужчина застыл, только сиплое дыхание вырывалось из нездоровых легких. Часы отсутствовали, но он мог определить время с незначительной погрешностью.

Приближалась полночь, колония спала. Из темноты проявлялись фрагменты построек: угол бездействующего свинарника, подсобные сараи. Плыли, плотно сбившись, кудлатые тучи.

Пациент не шевелился, текли минуты. Чуткое ухо уловило шум. Мрак как будто рассеялся, обрисовалась сторожевая вышка, забор с колючей проволокой, далее — безграничная тайга.

У наблюдателя был бугристый лоснящийся череп, толстая шея в складках. Явно не доходяга — за годы, проведенные в местах лишения свободы, сохранил физическую форму.

За окном что-то происходило. Крались тени — из того же заведения, только из «общего» крыла. Перебегали, пропадали в темноте.

Дыхание участилось, пот покрыл лицо. Значит, не просто языками трепали...

Мужчина вернулся на кровать, откинул голову. Справился с волнением, отбил костяшками пальцев по стене условную дробь. Посторонних быть не должно, охранять каждую палату — вертухаев не напасешься...

Он ждал, заговаривал волнение. Дерзайте, насильники и убийцы, флаг вам в руки, протопчите дорожку...

Скрипнула дверь, в палату проник один человек. Ну, что ж, почти успел... Он сдавленно дышал, волновался. Лица не видно — черное пятно. Поскрипывали форменные сапоги. Он нагнулся, открыл ключом замок наручников, придержал, чтобы не брякнули. Арестант размял затекшее запястье, прошептал:

— Не обманул, Петр Афанасьевич, молодец. Буду должен. Страшно, поди? Ты уж не храбрись, признайся.

— Страшно, Павел Евдокимович, — свистящим шепотом отозвался вошедший. — Стыдно признаться,

челюсти от страха сводит... Но не подумайте, не отступлюсь, сделал все, как надо. Я этим сволочам даже с того света гадить буду, не представляете, как я их ненавижу... Но это лирика, забудьте. Меня никто не видел, охрана в этой части зоны небольшая. Только двое — на тропе за колючкой. Еще в дежурке на входе двое, но вы сказали, что с ними справитесь... Бархан и его люди, кажется, ушли, надеюсь, они знают, что делают... Если все по плану, то сигнализация не сработает. Если пойдет не так — возвращайтесь, что-нибудь еще придумаем...

— Ну, это вряд ли, Петруха, — ухмыльнулся заключенный. — Есть такое понятие — точка невозврата, боюсь, к тому времени я ее уже пройду...

— Не понимаю, о чем вы, Павел Евдокимович... — Шепот сотрудника колонии срывался от волнения. — Ладно, вам виднее. Держите сумку, я все собрал. Здесь ляжка, закиньте за спину, чтобы не мешалась. В сумке одежда, сапоги, вяленое мясо, дэта от комаров — несколько флаконов, без нее вы просто не выживете... Давайте, Павел Евдокимович, удачи вам, не поминайте лихом!

— Да что ты, Петруша, буду поминать только добрым словом... — Павел Евдокимович поднялся, прислушался к работе организма — вроде, не сбавило. — Ну, спасибо, друг, выручил...

— Подождите, — спохватился помощник. — Дайте мне в челюсть, да не жалейте. Желательно, чтобы сознание потерял. Может, и пронесет, не разберутся,

в чем дело. Я скажу, что вы меня вырубili и ключ от наручников забрали.

— А сумка с вещами сама собралась? — утробно засмеялся Павел Евдокимович, — Да ты не грейся, на этот счет, Петруха, есть другая идея...

Откуда взялся в тюремной одежде хирургический скальпель? Похоже, запасы в эту ночь делал не только верный помощник. Лезвие, как в масло, вошло в живот. Сжимать рукоятку было неудобно, но убийца старался. Инструмент использовался по назначению — для разрезания глубоких тканей.

— Павел Евдокимович, вы что?.. Зачем? — Петр задохнулся, выпучил глаза. Схватился за руку убийцы, но повлиять на ситуацию уже не мог. Рука ослабла, повисла. Лезвие продолжало рвать внутренние органы. Несчастный захлебнулся хлынувшей изо рта кровью, подкосились ноги. Убийца аккуратно пристроил его на пол, вытер о китель окровавленные руки.

— Вот так-то, Петруша. Извини, но добрые дела не остаются безнаказанными... Но все равно — спасибо, дорогой.

В ногах появилась упругость, тело наполнялось силой. Три года он готовил себя к этому дню, украдкой качал мышечную массу, наедался — голодом людей в советских колониях не морили. Он готов был на все, лишь бы вырваться из этой дыры. Главное, прочь, а там будет видно, есть определенные задумки...

Он высунулся в темный коридор, выждал, заскользил, прижимаясь к стене. Охрана в коридоре

не беспокоила. Русская душа — пока гром не грянет... Инструкции выполняются только во время проверок. В крыле находился лишь один пациент из закрытого блока. Куда он денется, прикованный к кровати, да еще и с коликами в желудке? Двое находились в «предбаннике», не спали, увлеченно беседовали. Они сидели за стеклом и решеткой, имея собственный выход из здания — вооруженные, если память не подводила, табельными пистолетами Макарова.

— Кадышев, ты? — донеслось из-за угла. Беглец застыл, прижался к стене. У кого-то здесь непозволительно острый слух...

— Угу, — буркнул он.

— Уже закончил со своим шпионом? Быстро ты что-то. Дрыхнет, поди, без задних ног — добудиться не смог? Или сдох от своих колик?

Последние надо грамотно разыграть — дабы безоговорочно поверили и поместили в лазарет. А лучшая имитация — это настоящие колики, вызванные приемом тщательно подобранных несочетаемых препаратов. А также дозировкой, не позволяющей этому удовольствию затянуться.

— Эй, что застрял? — Охранник выглянул в коридор. Петру, мир его праху, пришлось их, видимо, умаслить — служивые грубо нарушили инструкции.

Он схватил охранника за ворот — те совсем утратили чувство опасности, месяцами ничего не происходит, — рванул на себя, сдавил предплечьем горло. Некогда убивать — напарник вряд ли станет смотреть, —

отшвырнул от себя, тот судорожно хватал ртом воздух, бросился за стекло, где изменившийся в лице сотрудник рвал ПМ из кобуры. Налетел, как буря, повалил, тот треснулся затылком о настенную полку. Кровь хлынула из раскроенного черепа. Вроде, не мальчики уже — серьезные мужики, а такое себе позволяют. Тоже не стал добивать, товарищ уверенно отключался. Забрал пистолет, сунул в карман, туда же две обоймы. На цыпочках выскочил в коридор. Первый охранник лежал неподвижно, без сознания. Время не стал терять, хотя и ненавидел всей душой это краснопузое конвойное племя! Разоружил и первого, сунул пистолет в болтающуюся на боку сумку. Лишняя «веревочка» в хозяйстве — никогда не лишняя...

Он постоял неподвижно, слушал — не потревожил ли чей сон? Крадучись, направился к двери, отомкнул засов. В августе текущего года на севере Красноярского края царила несусветная жара. Обычно не так. Старожилы шутят: мол, август в наших широтах — первый зимний месяц. Но в этот год что-то сломалось в природе, жара не проходила, иногда сменялась грозowymi ливнями, после которых вновь нещадно пекло. Ночью было не лучше — парила духота.

Силуэт заскользил по дорожке, обогнул соседнее кирпичное строение. В хозблоке полгода назад случился пожар, здание внутри полностью выгорело. Куда пошли те пятеро? Ночь дезориентировала,

но, кажется, разобрался. Шума не было, значит, одно из двух: либо вырвались и планы не поменялись, либо...

Ждать было невмоготу. Беглец присел у кучки бетонных блоков. За спиной раздались голоса. За колючкой, вдоль контрольно-следовой полосы, шел патруль — к счастью, небыстро. Но уже через минуту будут там, где сходятся все дороги!

Павел Евдокимович согнулся в три погибели, пропустил по маршруту. Могли заметить, но не заметили, он ускорился — нетерпение гнало. Бараки остались в стороне, здесь находились хозяйственные постройки. Он крался вдоль забора, затем не выдержал, побежал. Чернел проем — КПП. Рядом никого — уже интересно. Через тридцать секунд появится патруль...

Беглец скользнул в проем, споткнулся о ступеньку, выставил ладонь. Пол был липкий, что-то разлили. Кажется, догадывался, что именно... Он шел осторожно, держась за стену. На посту — шаром покати. В помещении охраны иллюминировала слабая лампочка, озаряла голые стены, пустую пирамиду для автоматов. Здесь должны находиться как минимум трое...

Закружилась голова — впереди была свобода. Сунулся в каморку, забрал со стола громоздкий электрический фонарь с разболтанной ручкой. Пространство за воротами озарялось светом далекого прожектора. Ближний свет почему-то не работал. Возможно, он управлялся со щитка на КПП. Па-

вел Евдокимович замешкался — впрочем, вариантов не было, — припустил вдоль ограды, перепрыгнул через канаву, из которой доносился жалобный стон. Привет вертухаям, туда им и дорога... Тоже добивать не стали, оттащили порезанных ножами до ближайшей канавы и выбросили, как ненужный хлам. Правильно действовали урки. Хотя, с другой стороны, время, как ни крути, потеряли...

Здесь была одна дорога. Слева открытая местность между лесными массивами — духу не хватит торчать на юру. Справа гиблые топи — там и днем не пролезешь, засосет, а уж ночью, когда ни хрена не видно... Есть еще дорога — напрочь раскисшая, со скользкой обочиной, на ней постоянно застревает тюремный транспорт. Оставалось лишь прямо — через крапиву и лопухи, в темный лес, до которого метров пятьсот. Он кинулся напролом, разгребая высокую траву, подмечая мимоходом: здесь недавно шли люди. Значит, верной дорогой идем, товарищи! Трудно совместить несовместимое, но одному в тайге не выжить...

До леса оставалось метров двадцать, когда за спиной вспыхнули прожекторы, надрывно завывла сирена. Спохватились, черти! Он ускорил шаг, последние метры полз на корточках, надеясь, что трава прикроет, потом вкатился под куст боярышника. Вроде не заметили. Ясно, что поймут, куда идти, да и следы увидят, но остальные направления тоже обязаны проверить, то есть распылят силы.

Он поднялся, грузно побежал. Но куда убежишь в этой чертовой тайге? Метров пятнадцать — деревья уплотнились, выросла стена бурелома, которую ни объехать, ни обойти! Поставил фонарь на рассеянный свет, полез на «баррикаду», скатился в мешанину веток и колючек, из которых выпутывался целую вечность! Двинулся вприсядку под пышные ели, дальше просто полз, не замечая, что рот забивается землей и перепревшими иголками. Плевать на все, он был на свободе, пусть временно, а это много стоило! Стиснув зубы, глухо рыча, прорывался сквозь залежи, переползал канавы и овраги, ворочался в кустах. Иногда застывал, прислушивался. Сзади различался слабый шум. Впереди тоже были люди — звуки затухали, потом, наоборот, становились отчетливее...

Он догнал беглых эков в полутора верстах от колонии. Те исчерпали последние силы, грузно попадали в траву на крохотной поляне, хрипло кашляли. Нервы звенели как струны, чье-то чуткое ухо уловило треск сучьев. Шухер вышел знатный: эки покатались за поваленные деревья, разлетелись по кустам. Хорошо хоть палить не стали из захваченных автоматов.

— Эй, не стреляйте, — бросил Павел Евдокимович, вставая на всякий случай за дерево, — свои.

— Свои, говоришь? — выдержав паузу, проворчал сиплый голос. — А все свои уже здесь, одни чужие остались. Ты что за хрен с бугра, откуда

нарисовался? Погодь-ка,— задумался говорящий,— уж больно голос твой знакомый... Не из вертухаев, точно. Нашпигуем его, братва? Нахрена нам этот лишний геморрой?

Кто-то передернул затвор, засмеялся дребезжащим смехом.

— Неужто не любопытно, Бархан? Да не бзди ты, давай базарить. Не вурдалак — не покусаю. Но учти, времени нет, вертухаи на хвосте, минут через тридцать будут здесь. Так, выхожу, шмалять не станете? У меня фонарь.

— Выходи, мил человек,— ухмыльнулся заключенный с погонялом Бархан,— засвети свое личико. Только не дрыгайся, не мельтеши, не то, сам понимаешь...

Павел Евдокимович поднял фонарь и протиснулся через кустарник. Пистолет висел, зацепившись спусковой скобой за палец. Поляна помалкивала. Он вышел на открытый участок, осветил лицо. Затем нагнулся, поставил фонарь под ноги. Словно тусклую лампочку зажгли: озарилось узкое пространство, переломленный пополам догнивающий паданец.

Высунулась из ветвей физиономия, перекосилась в ухмылке. Справа показался кто-то еще, привстал обретающийся за паданцем «мухомор» — небритый, изрытый серыми пятнами. Публика собралась не самая респектабельная. Легкие фуфайки с пришитыми номерами, стоптанные сапоги. У парочки

за плечами худые вещмешки. Автоматы побитой охраны были, разумеется, при них. Уплыл пистолет из руки — чуть с пальцем не оторвали. Зэков было пятеро, явный перебор, они бы еще весь барак с собой взяли!

— Опа-на, да это же Череп, — обнаружила небритая пятнистая харя с погремухой Махно. — Наше вам с кисточкой, гражданин мент, какими судьбами?

— Я не мент, — стиснув зубы, проворчал Череп. — Хотя для тебя, Махно, один хрен.

— Да завалить его, по-любому мент! — взвизгнул плюгавый, кривой на глаз, сравнительно молодой зэк. — Бархан, нахрена нам эти запутки? Мочи эту гниду...

— Жало завали, Лупатый, — резко бросил кряжистый быкообразный субъект с маленькими вьедливыми глазами — упомянутый Бархан. — Не понял, шкет? Хлебальник, говорю, заткни!

Лупатый замолчал, гадливо ощерился. Он постоянно моргал, за что и заработал свою неблагозвучную кличку. Бархан набычился, исподлобья тарачился на примкнувшего к компании «товарища».

— Присоседился, стало быть, Череп? Компанию хочешь составить? А знаешь, Лупатый в чем-то прав: пусть ты и не мент, но один хрен из цветных, а нам это нужно — копать в оттенках дерма? За пушку спасибо. Что там у тебя еще — ну-ка, засвети.

Обстановка накалялась. Зэки окружали. Скрипнуло, вываливаясь из пазухи, лезвие «выкидухи». Скалился Лупатый, поигрывал пальчиками. Озадаченно поглядывал широколицый Сыч — зэк не кипешной, рассудительный, сидящий за «убийство двух и более лиц». Демонстративно позевывал долговязый Торченный — тип с бельмом на глазу и рваным ухом — просто хрестоматийный заключенный советской колонии.

Режим на зоне был строгий, срок отбывали лица, совершившие особо тяжкие преступления. Кто-то чалился пожизненно, другие имели химерическую возможность в конце увидеть волю. Персон, подобных Черепу, здесь было немного, их содержали в отдельном блоке, с особой охраной и особыми условиями труда и быта. Почему последние оказались здесь — неисповедимые пути бюрократии и логики советской пенитенциарной системы. Пересекались нечасто, в основном на прогулках, на отдельных коллективных мероприятиях. Излишне говорить, что обе категории заключенных не испытывали теплых чувств друг к другу.

— Что стоишь, сука ментовская, неясно было сказано — сумку к осмотру! — взвизгнул Лупатый. «Не вынесла душа поэта» — бросился на ненавистного мента, схватил его за горло цепкими пальцами! Бархан промолчал, интересно стало. Остальные тоже обошлись без комментариев.

Дыхание перехватило, закружилась голова. Лупатый, смеясь в лицо, сдавил горло — явно собираясь завершать начатое. Субъект был совершенно без мозгов. Череп пытался оторвать от себя прилипчивые ручонки, но те пристыли намертво. От нехватки кислорода вспучилась голова.

Скальпель лежал в боковом кармане. Пальцы обхватили рукоятку. Лезвие вошло в левый бок, Лупатый икнул. Не понял, что произошло, почувствовал лишь досадное неудобство. Череп выдернул из тела лезвие, стал бить, наращивая силу ударов. Ослабла хватка, дышать стало легче. Лупатый запоздало сообразил, что дела плохи. Но на кураже даже боли не почувствуешь! Захрипел, рвотный спазм сотряс тело. Руки обвалились.

Череп отшатнулся. Зэк вздрагивал, недоверчиво таранился на своего убийцу. Кровь потекла с губ, подкосились ноги. Он опустился на колени, зажимая рукой продырявленный бок, хотел что-то сказать. Но завалился на бок, подтянув ноги к животу, лежал и вздрагивал. Выхватывать второй пистолет было бессмысленно. Череп попятился, сжимал инструмент нижним хватом. Как ни странно, большого волнения инцидент не вызвал. Зэки молчали, выразительно переглядывались. Началась агония, умирающий изогнулся, застыл с распахнутым ртом.

Махно опустился на корточки, потянулся к мертвецу, безгловно скривился.

— И что с тобой прикажешь делать, Череп? — глухо спросил Бархан. — На хрена ты Лупатого вальнул?

— А ты держи в узде своих бойцов, Бархан, — проворчал Череп. — Подох, и ладно, невелика потеря. А в следующий раз думай, кого берешь с собой. Можешь меня убить, это дело плевое, но пораскинь мозгами, вы же хотите с дальняка свалить?

Бархан соображал, кусал губы. Шевельнулся Сыч.

— А с башкой этот мент дружит, а, Бархан? Без Лупатого могли бы пережить. Он, сука, нервный и чреватый.

— Или ты его, как консерву, берег, Бархан? — ощерился Череп. — И то, дорога дальняя, жрать что-то надо. Только какой с него прок — кожа да кости.

— Теперь ты у нас за консерву? — Злобные глазки сверлили нежеланного гостя. — Расслабься, Череп, мы своих не едим. Мы даже чужих не едим, хотя с мясом у тебя, я погляжу, все в норме. Оружие есть, не прокормимся в тайге? Догадливый, да? Сообразил, когда всем строим в больничку переселились с несварением? А что, хреново нас рвало?

— Нормально вас рвало, Бархан. Когда увозили, думал, дуба дадите. Ну, бывает, несвежая фасоль, или что там еще. Смотрите, однажды так отравитесь, что уже не встанете.

— На себя посмотри, — процедил Махно. — За нами на койку заспешил, неспроста ведь, а, Бархан? Понятно, из барака не свалишь, а из лечебки, если